

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П61

Серия «Коллекция. Военная фантастика»

Выпуск 23

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Поселягин, Владимир Геннадьевич

П61 Истребители: Я — истребитель. Мы — истребители.
Путь истребителя: сборник / Владимир Поселягин. — Мо-
сква: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»,
2020. — 976 с. — (Коллекция. Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-123395-2

Школьник-выпускник провалился в болото и вынырнул 20 июня 1941 года. Сын летчика, сам летчик, он решил оставить заметный след в этой войне. Но главное для него, для начала — выжить в первые дни войны.

А скоро новейшие истребители Ла-5, которыми управляют летчики, прошедшие обучение по новейшим методикам пилотирования в Центре боевой подготовки летного состава ВВС, пойдут в бой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-123395-2

© Владимир Поселягин, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Я — истребитель

Отдельная благодарность за помощь читателям форумов ЛитОстровок и Самиздат.

Особенная благодарность моим родителям — Поселягину Геннадию Леонидовичу и Поселягиной Алевтине Анатольевне — за помощь в написании книги.

Также большое спасибо Сергею Уксусу за корректуру и вычитку.

Проснулся я от ласкового прикосновения, скинул одеяло, зевая, потянулся — рука, разбудившая меня, медленно поползла по животу вниз. Не глядя, сграбастал пискнувшее тело с приятными округлостями. Девушка, тяжело дыша, навалилась на меня и стремительно оседлала.

Через полчаса, восстановив дыхание, я направился в ванную. Залез в душевую кабину и стал намыливаться, пока ко мне не скользнула гибкая фигурка.

— Сева, не опоздай. Выпускной бывает раз в жизни, — сказала она еще через полчаса и, забрав у меня полотенце, стала вытираться. Глядя на свою классную руководительницу, я думал: «А она у меня действительно классная!» Что-что, а про Соню Викторовну можно сказать одним словом — шикарная. Честно говоря, когда ее, только что пришедшую в школу после пединститута, поставили руководить нашим классом вместо уходящей на пенсию Марии Семеновны, я понял, что попал. И, глядя на ее формы, гадал, есть у нее кто или нет. Как выяснилось — нет. Но чтобы ее соблазнить, у меня ушло почти полгода.

Хотя что это я, совсем забыл представиться. Немного расскажу о себе: батя назвал меня Александром. Хотел, чтобы я был Сан Санычем, однако семейный совет, состоящий из бабушек и дедушек, решил назвать меня Вячеславом. И с тех пор я Севка-Сашка Суворов. Родители до сих пор спорят на эту тему. Родился я в 1994 году, и ровно через три дня мне исполняется семнадцать. Месяц назад я закончил школу (сегодня будет выпускной), но куда поступать дальше — пока еще не решил. Наверное, по совету брата отца, отслужу срочную. В нашей семье от армии не бегали, служили все. Причем армия началась для меня в двенадцать лет:

отец удружил, взяв мое воспитание в свои руки. Но как бы то ни было, физическая нагрузка пошла на пользу, рос я довольно сильным.

Расскажу еще о своем отце. Он у меня подполковник авиации в отставке, бросил армию из-за усиливающегося раздолбайства и воровства. Сманил его к себе старый друг бати, одноклассник дядя Жора Раневский, входящий в сотню самых богатых людей России. Его связывала с отцом страсть к самолетам. И хотя батя вертолетчик, он тоже увлекся ретро-аппаратами. И не просто ретро, а времен Второй мировой войны. Поэтому у дяди Жоры есть личный музей авиации во Франции, в котором уже два десятка экспонатов — самолетов различных моделей и модификаций.

И чего только там нет! И И-16 (в двух экземплярах), и один ЛаГГ-3, два «Яковлева» — первый и третий, У-2 (По-2), который русфанер. «Аэрокобра» в одном экземпляре тоже присутствовала. Из немецкой техники — Мессершмитт-109 и Фокке-Вульф-190.

Насколько я знаю (батя говорил), сейчас идут переговоры о покупке частей МиГ-1 у черных археологов — основных поставщиков запчастей, хотя немало ЗИПов дядя закупал на армейских складах, незнамо как узнавая, что и где есть. Отец организовал свой отряд поисковиков (в который вхожу и я) еще пять лет назад, но большую часть экспонатов все равно приходится покупать. Сейчас наш отряд на Брянщине, возле одного из многочисленных болот. Батя по телефону сообщил, что они обнаружили остатки самолета, на ощупь опознанного водолазом как ЛаГГ. После выпускного вечера я собираюсь ехать сразу к ним.

Так вот, насчет самолетов — все они летали. И так как почти все из них я помогал собирать и ремонтировать, то знал каждый до винтика. Когда мне было лет пять, мама подарила набор самолетиков, ну те, которые клеить надо. К десяти батя заметил мой интерес к авиации и стал потихонечку учить меня летать, в основном в качестве пассажира того же У-2. В то время все самолеты (аж три штуки) еще находились в России. В общем, первый раз в одиночку я поднялся в небо в тринадцать лет в воздухе Франции. А после...

Был еще один момент. При всей любви дяди Жоры к ретро-самолетам, высоты он панически боялся. Поэтому летал его сын Степка, мой корефан и одноклассник. Сколько мы с ним налетали, сколько воздушных боев провели!.. Самый любимый наш бой — это мы со Степкой на «ишачках» против бати с его «мессером».

Сколько мы учебных боев провели — вспомнить страшно, но при всем опыте бати в последнее время стали его побеждать, то есть результат боя по очкам был в нашу пользу. Все это — закономерный итог наших посиделок вечером за мемуарами летчиков-ветеранов. Карты воздушных боев, тактику и стратегию мы зачитывали до дыр. Один налет на И-16 был больше пятидесяти часов, а общий — больше трехсот. И хотя «ишачки» постоянно требовали ремонта и запчастей, дядя Жора не скупился. Нет, конечно, мы не так часто летали на ретроистребителях, как хотелось бы, больше отрабатывали тактику на спортивных «Яках», но и на ретро налетали немало. Был случай, когда в воздухе у меня заглох мотор на Як-3, так я планировал с высоты и сел прямо на аэродроме, спокойно переговариваясь с отцом по радиации и слушая вопли дяди Жоры, чтобы я прыгал. Он серьезно считал, что я угроблюсь. Но все прошло нормально, и самолет через месяц участвовал в параде ко Дню Победы. После полета нас по первому каналу показали, а у меня, когда я после представления из самолета вылезал, еще и интервью взяли. Сам не понимаю, как дядя Жора смог договориться с нашими чиновниками, думаю, нажал на все рычаги, которые мог нажать. Главное для него был пиар, и он его получил.

Большая часть, где использовались самолеты, — это, конечно, кино. К дяде Жоре постоянно обращались с просьбами в участии в съемках того или иного фильма. Где они получали отказ, а где и согласие. Может, видели фильм «Небо в огне»? Так я там участвовал в съемках, на «Яке». Или «Брестская крепость»? Где «ишачок» сбивают два «мессера»? Вот на «ишачке» я и был. Многие считают, что это компьютерная графика, но это было не так.

— Все, мне пора, — прервала воспоминания Соня, чмокнув меня в губы, и, вертя попкой, вышла из квартиры. Закрыв дверь, я подошел к окну и наблюдал за ней, пока она шла к остановке. Нравились она мне, зараза. Ну и что, если разница в возрасте у нас шесть лет? Главное, мне с ней хорошо, и мы оба понимали, что наша связь временная. Просто любовники. Отец бы, конечно, не одобрил, но где он и где я?

Ладно, пора собираться. Одежда для выпускного, приготовленная Соней, висела на плечиках. Сняв с дверцы шкафа вешалку, я быстро оделся и направился в школу.

«Не забыть бы, что вечером у меня окно на авиасимуляторе. А то эти курсанты совсем времени не оставляют!» — подумал я, подходя к остановке.

Поезд, скрипя тормозами, скинул скорость. Через окно я посмотрел на приближающийся вокзал, потом, отпустив занавеску, стал быстро укладывать вещи. Когда поезд остановился, я сел у стола, ожидая встречающих. Наконец дверь купе отодвинулась, и я обнял стоящую в коридоре маму. Потом поздоровался с двумя ребятами и показал им на баулы. Прихватив чемодан и рюкзак, мы с мамой направились следом, на ходу вываливая друг на друга последние новости. Подойдя к забрызганному грязью «уазику», я отдал чемодан Михаилу, поисковику с десятилетним стажем. Устроившись на заднем сиденье, мы проговорили всю дорогу до базы. За время разговора выяснилось, что двигатель ЛаГГа удалось поднять, и сейчас Тимофеич разбирал его на детали. Тимофеич — наш техник, именно он учил меня ремонтировать и собирать из металлолома самолеты.

Порадовало новое известие. Рядом с болотом, в озере, на глубине восемнадцать метров в слое ила удалось обнаружить полусгнивший Ил-2. Водолаз был у нас профи, увлекающимся, как и мы, ретро-самолетами, так что легко на ощупь определял тип найденной машины, а уж с аппаратурой... Сейчас дядя Жора договаривается насчет подводных работ. Машинка с телеуправлением, стоящая кучу бабок, которая и нашла Ил, сейчас работала в соседнем водоеме.

Поездка по бездорожью продлилась почти три часа, и когда мы наконец прибыли в маленькую деревеньку, я обрадовался. Закончив с распаковкой вещей, мы со вторым поисковиком, Артемом, переоделись и направились к лагерю.

— ...и выходит он, прикиньте, весь в муке. Я как его увидел, сразу за живот схватился. Я бы к ней побоялся подходить, а Севке все нипочем.

В отличие от остальных, рассказ про мои похождения у меня улыбки не вызвал. Не получилось с симпатичной вдовушкой помиловаться — получится с другой. Хорошо, что все хорошо кончается. Поиск закончился, и через два дня мы отправляемся на пару месяцев во Францию. Наконец-то снова полетаю. Короче, здравствуй небо!

Отойдя от парней, сидящих у костра, я посмотрел на небосвод, подошел к своему рюкзаку с мокрым песком, весом двадцать килограммов, и надел его. Привычно попрыгав, побежал к де-

ревне, находящейся от лагеря в семи километрах. Две недели, прошедшие с момента моего приезда, пролетели незаметно, хотя мы успели сделать многое. Подняли бронекорпус Ил-2, вместе с двигателем. Правда, тут нас ждало разочарование: мотор был разбит, и похоже, что он горел. Вот с ЛаГТом повезло, его мотор был почти цел.

Привычно перепрыгивая через корневища, я бежал по узенькой тропинке, стараясь не сбить дыхание. Добежав до болота, забрался на проложенную гать и по мосткам медленно потрусил к видневшемуся берегу со стоящими меж деревьев домами. Эти мостки проложены довольно давно, и местные используют их для походов в ближайшее село с магазином. Место расположения деревеньки таково, что длинный язык болота перерезал жителям деревни кратчайшую дорогу к цивилизации. Болотный язык был шириной всего метров триста, местами проложили гать, а где топь, просто проложили эти мостки на плотках. И сейчас, идя неспешным шагом по скрипящим доскам, я надеялся, что ни одна из них не треснет. Заметив на берегу маленьких детишек, махающих мне рукой, ускорил шаг. Детишкам я сегодня обещал вместе с ними запустить змея.

Вдруг часть мостика резко ушла в сторону, и я, с испуганным матерным криком, вверх ногами, спиной вошел в торфяную кашу. Проблема была в том, что я свалился в топь на выдохе и кислорода в легких было катастрофически мало. Едва не теряя сознание от ужаса своего положения, я стал быстро отстегивать ремни рюкзака, утягивающего меня вниз. Шевеля плечами, скинул лямки и, разбросав руки, старался дотянуться до мостков. Попытка открыть глаза ни к чему не привела, кроме того, что набившаяся в нижнее веко торфяная масса стала жечь правый глаз. Тут мне под руки что-то попало. Ухватившись за корявое нечто, похожее на корень, я из последних сил рванул наверх. Держась рукой за кочку, я приподнимал голову над болотной жижей, дергаясь всем телом — меня судорожно рвало. Я все-таки успел наглотаться грязи. Немного отдохнув, стал промывать глаза водой, набранной на поверхности болота. Тут я понял, что не слышу криков и воплей детворы. Странно, они же видели, что я навернулся с мостков! Почему же никто не идет на помощь?

Промыв один глаз, я осмотрелся, смахивая набегающие слезы. Сквозь оставшуюся муть я никаких мостков не обнаружил, так же как и деревни. Вокруг, насколько хватало взгляда, простира-

лось болото. От неожиданности я чуть не отпустил кочку. Быстро ухватив ее руками, завыл:

— Эй, есть тут кто-нибудь?

Ответа на все мои крики я так и не дождался.

Вдали послышался знакомый рокот авиационных двигателей. Быстро закончив промывать второй глаз, я всмотрелся в небо. Надо мной прошла тройка «ишачков», заставившая меня уронить челюсть от удивления. Какого хрена?! Сказать, что я был шокирован, значит, ничего не сказать. Проводив истребители взглядом, я стал думать, что произошло. Версия о попаданстве пришла в голову четвертой. Первые три были на грани фантастики. Неделию назад один из поисковиков рассказал в лицах книгу одного автора о похождениях парня в сорок первом, Лисов, кажется, его фамилия. Так, может, я тоже так же перенесся? Черт, пока не выберусь из болота, ничего не смогу выяснить.

Хорошо промытые глаза позволили мне осмотреться. И сразу же я обнаружил, что за спиной, метрах в двухстах, находится лес. Взобравшись на кочку, которая стала медленно тонуть, я оттолкнулся ногами и на животе скользнул к следующей, находящейся в трех метрах от меня. Потревоженная моими прыжками болотная гадюка метнулась в сторону под моим испуганным взглядом. Никогда не любил змей — склизкие, холодные, брр.

Путь по болоту занял у меня почти шесть часов — часто приходилось возвращаться назад, если дальше была открытая топь. Когда я выполз на берег, то вполне серьезно несколько раз поцеловал мох, растущий на земле, и, повернувшись к болоту лицом, высказал все, что о нем думаю. И добавил:

— Больше никогда я по доброй воле в болото не залезу.

После чего, упав спиной на землю, счастливо рассмеялся. Я выбрался и живой, что может быть лучше? Отдохнув с часок, под бурчание голодного желудка встал и осмотрелся. Где я находился, не знаю, но выяснить следовало осторожно, пока не определил свое местоположение.

Осмотр ничего не дал, кроме того, что лес был довольно густой и возвышался над болотом метра на три. После того как я закончил крутить головой, настало время посмотреть, чем я располагаю. Одет я в армейский комбез, который после купаний в болоте стал расцветкой ни чем не отличаться от самого болота. На ногах — новенькие китайские кроссовки, купленные

на один сезон и надетые, чтобы пофорсить перед деревенскими. Однако хваленая китайская обувь российских болот не пережила, и сейчас, глядя на почти полностью оборванную подошву, я грустно размышлял, как ее починить. Пошарив по карманам, обнаружил смартфон с сочащейся из него водой и носовой платок. Больше ничего в комбезе, используемом мной для пробежек, не было.

— Нет, просто класс — всякие хмыри попадают в другие миры чуть ли не с танками, а у меня использованный носовой платок и неработающий телефон! Зашибись, б.я! — крик души, выданный мной вслух, немного успокоил.

Подумав, я снял комбез и содрал все ярлыки, что были. И вместе со смартфоном зашвырнул их в болото. Выжав насквозь мокрую одежду, я натянул ее на себя и, выбрав направление движения, тихонько поплелся, загребая листву оторванной подошвой. Постоянно попадавшие неглубокие овраги со стоящей в них водой изрядно замедляли путь. Поглядев на солнце, примерно определил время на данный момент — где-то около двух-трех часов дня.

Еще через час моих блужданий по этому лесу небольшая тропинка привела к поляне со скошенной травой, что обрадовало меня до щенячьего восторга. Обувка пришла в окончательную негодность, и я шел практически босиком. Осторожно выйдя на поляну, я подошел к стогу свежескошенного сена, после чего, сняв уже подсохшую одежду, разлегся в нем, прикрыв глаза. Усталость мигом накинута на меня дремоту, и я провалился в глубокий сон.

Разбудили меня грубо: схватив словно клещами за ногу, скинули с сена на землю и придавили чем-то острым живот. Открыв глаза, я разглядел в свете заходящего солнца стоящего надо мной хмурого мужика с длинной седой бородой, рядом стоял второй, помоложе, с вилами в руках. От вида, что мне упирается в живот, мне сразу поплохело. Это была винтовка, в которой я не сразу опознал изделие Бердана.

— Вы что, охренели?! Убери железку! — от звука моего голоса вооруженный мужик явно обрадовался.

— А, москаль проклятый, вот я тебя сейчас... — И стал поднимать винтовку, собираясь ударить меня.

— Сам ты москаль, урод!

Москалями поляки называли всех русских, и то, что я действительно москвич, было простым совпадением.

Мужик опустил оружие и задумался. Глядя на его складку на лбу, сообразил, что думать ему, похоже, непривычно. Видимо, придя к какому-то решению, он, отступив, повелительно дернул стволом и велел мне встать. Подождав, пока я оденусь, меня все так же под прицелом сопроводили к стоящей рядом телеге. Запряженный в нее конь меланхолично жевал траву и лишь дернул ухом, когда я прошел мимо.

— Стой, москаль! — рыкнул конвоир, после чего что-то сказал второму мужику. То, что это польский, я понял по шипящим звукам. Взяв веревку, лежащую в телеге, один связал мне руки спереди, пока второй караулил. Получив тычок прикладом, отчего я сделал два быстрых шага вперед, мы с бородачом направились по тропинке. Обернувшись, я успел до того, как меня грубо окрикнули, увидеть, что оставшийся мужик нагружает телегу сеном.

Путь занял почти час, пока мы не вышли на более укатанную дорогу. Заметив в просвете леса какие-то строения, я невольно ускорил шаг — вдруг покормят не только свинцом, но и нормальным обедом.

— Но-но, потише, москаль! — окрикнул сзади поляк. Открывшаяся картина невольно заставила меня остановиться. Не успев полюбоваться на прекрасный хутор, я получил мощный удар прикладом между лопатками, заставивший меня пробежаться немного вперед и продолжить движение. Шевеля лопатками и стараясь унять боль после удара, я прошел мимо плетеного забора и посмотрел, как на грядках работают три женщины разного возраста. Заметив меня, они засыпали вопросами на польском языке моего конвоира, после чего я шел под их любопытными взглядами. Теперь я точно утвердился во мнении, что нахожусь в Польше, судя по истребителям, скорее всего довоенной. Зная, как поляки «любят» русских, я заранее готовился к худшему.

Подойдя к явно жилому дому — их на хуторе было три, — конвоир усадил меня на пенек для колки дров и застучал в окно, что-то крича. Сидя на пеньке, я осматривался: дома стоят треугольником, несколько хозяйственных и скотных сараев, все добротное и аккуратно, сразу видно, что здесь хозяин следит за порядком. Скрип открывавшейся двери привлек мое внимание. На крыльце стоял командир Красной Армии. Я точно в сорок первом — у него были петлицы и лейтенантские кубари. Спокойно выйдя во двор, он что-то спросил у моего конвоира на польском. В это время из дома вышел,

судя по рясе, священнослужитель и, подойдя к разговаривающим, тоже что-то спросил, мельком глянув на меня. Судя по тому, как оба болтуна вытянулись, он был старше их. Минуты три я слушал их непонятный мне разговор и замечал бросаемые на меня взгляды. Видимо, о чем-то договорившись, они подошли ко мне:

— Что ты здесь вынюхивал, русский? — спросил священник.

— Ничего. Меня не там выбросили. Должны были в районе Бреста, а я оказался незнамо где!

— Выбросили? Парашютист?

— Да! Радист! Сбросили прямо в болото. Все утонуло. Рация, запасы, оружие, даже сапоги пришлось скинуть, когда меня на дно тянуло.

— Ты не русский?

— Да русский я. Во Франции жил с родителями, отец офицер штаба, служил под командованием Деникина. Когда меня пригласили работать на одну страну, я согласился.

Сказал я с намеком, что работаю на немецкие спецслужбы. Похоже, священник это понял, поэтому спросил на немецком, но выяснив, что я его не понимаю, уже на английском:

— Кто вас встречает?

На это я отвечать не собирался, что и сказал на плохом английском:

— Не имею права говорить!

Священник поднял брови и сказал:

— Ваш английский оставляет желать лучшего!

— Никогда им не интересовался! Я во Франции жил.

Немедленно последовал вопрос уже на французском языке, причем плохом, я с трудом его понимал:

— Как же ты оказался почти в ста километрах от Бреста, если тебя выбросили именно там?

— Где меня сбросили, там я и оказался, в этих болотах полно всяких гадов, а я ненавижу змей.

— Вы действительно хорошо говорите на французском языке, значит, штурман ошибся. Вас сбрасывали ночью?

— Да, в три часа!

— Что-то мы не слышали ночью гудения моторов!

— Не знаю, меня сбросили с пяти тысяч метров, и я долго планировал, был сильный ветер.

— Вполне может быть! Нам надо проверить, какое у вас кодовое имя?